

Источник: <http://kremlin.ru/events/president/news/67438>

Дата обращения: 13 ноября 2025 г.

События

Большая пресс-конференция Владимира Путина

Ежегодная пресс-конференция главы государства транслировалась в эфире телеканалов «Россия 1», Первый канал, НТВ, «Россия 24», а также радиостанций «Маяк», «Вести ФМ» и «Радио России».

23 декабря 2021 года

16:10

Москва

Большая пресс-конференция Владимира Путина

Сурдопереговор осуществлялся в прямом эфире телеканала «Общественное телевидение России» (ОТР), а также на сайте ОТР (<http://www.otr-online.ru/online/>).

* * *

В.Путин: Добрый день, уважаемые коллеги!

Мы, думаю, можем начать работать.

Вы далековато, но надеюсь, что наши технические сотрудники всё выставили должным образом. Надеюсь, вы меня хорошо слышите, и рассчитываю на то, что так же хорошо буду слышать и вас.

Дмитрий Сергеевич, я думаю, что можно без каких-то долгих вступительных слов начать сразу работать, это будет полезнее и интереснее для всех.

По ходу нашей встречи постараюсь ответить на ваши вопросы и без всяких вступительных слов удовлетворить ваше любопытство и проинформировать вас о том, каковы результаты текущего года и чего мы ожидаем в ближайшее время, и к чему мы будем стремиться в нашей работе.

Дмитрий Сергеевич, пожалуйста.

Д.Песков: Итак, начинаем.

Я с самого начала хотел бы предоставить слово абсолютному дуайену российского журналистского корпуса – одному из руководителей агентства «Интерфакс» Вячеславу Константиновичу Терехову.

Дайте, пожалуйста, в первый ряд микрофон.

В.Терехов: Добрый день, Владимир Владимирович!

Несколько приглушённый будет, как радисты говорят, сжимированный звук.

В связи с тем, что Вы сказали, что Вы будете говорить о том, как будет развиваться экономика, – мир эти два года вёл всемирную «войну» с коронавирусом, а сейчас будет с «омикроном», вероятно. Как затронула эта война экономику России? А она практически затронула всех людей. Как выбираться из этого экономического кризиса, из этой ямы, какие драйверы? Надо ли ожидать полную вакцинацию населения, чтобы говорить о возможности успешного развития экономики?

И самый главный вопрос, конечно: как Вы оцениваете работу Вашего главного штаба – Правительства и Центрального банка – в период этой «войны»?

Извините, я сейчас говорил про Центральный банк и вспомнил, что последние, кроме последней, пресс-конференции три или четыре, у меня в вопросе всегда звучал вопрос о Центральном банке – как-то так получается случайно.

Спасибо.

В.Путин: Если полностью отвечать на все Ваши вопросы, думаю, что, если удастся на них ответить, на этом можно заканчивать и пресс-конференцию, потому что они очень объёмные и, собственно говоря, на основных направлениях лежат нашей работы – не только нашей: Вы сказали, что весь мир вёл борьбу с коронавирусной инфекцией.

Продолжается эта борьба, мы знаем об опасностях распространения «омикрона» – нового штамма. Думаю, что в ходе сегодняшней встречи удастся ещё об этом поговорить.

Как вы знаете, группа наших учёных, специалистов находится в Южно-Африканской Республике, где, собственно, и был коллегами обнаружен этот штамм. Они там работают и работают успешно. Сказать хочу ещё раз, поблагодарить наших коллег из Южной Африки.

Что касается того, как эта ситуация отразилась на российской экономике и что мы ожидаем в ближайшее время, то в целом об этом тоже мы много раз уже говорили.

Не составит труда сказать, что наша экономика, столкнувшись с вызовами коронавирусной инфекции и необходимыми вынужденными ограничениями в этой связи в экономике и в социальной сфере, – тоже об этом ещё готов поговорить поподробнее в ходе нашей сегодняшней работы, – всё-таки оказалась более мобилизованной и готовой к таким шокам, чем многие другие развитые экономики мира, если считать пять, шесть, семь или десять ведущих экономик мира, даже если двадцатку взять.

У нас уровень спада экономики составил три процента, что гораздо ниже, чем во многих ведущих экономиках мира, и мы восстановились гораздо быстрее, чем другие страны.

Вы знаете эти цифры, уже даже в прошлом году мы могли говорить об этих тенденциях, а сегодня – я, естественно, и табличку взял, сейчас скажу об этом, чтобы здесь ничего не придумывать: рост ВВП – 4,5 процента ожидается в этом году. Сейчас он 4,6 [процента] – по октябрь включительно. Промышленное производство растёт темпами в пять процентов, переработка, перерабатывающая [промышленность] – 5,2.

Урожай зерновых у нас чуть меньше, чем в прошлом году, из-за погодных условий: было 133,5, стало 123 [миллиона тонн], но это очень хороший результат, который даст нам возможность не только обеспечить себя, но и сохранит нам очень существенный экспортный потенциал.

Инвестиции в основной капитал – 7,6 процента [рост] на ноябрь. В целом по году ожидается шесть, был спад в прошлом году – 1,4.

Хорошие очень показатели в стройке, рекордные показатели – 90 миллионов квадратных метров. Впервые такой результат достигнут в новейшей истории России. Я хочу поздравить с этим результатом всех работников строительного комплекса: и первых лиц, и тех, кто работает прямо на стройках.

Среднемесячная зарплата начала расти в реальном выражении, слава богу. Изменения и в реальных располагаемых доходах населения: если был минус два процента, то в этом году мы ожидаем рост.

Поговорим и об инфляции, конечно. Инфляция восемь процентов ожидается. Это гораздо больше, чем прогнозировали. Но всё равно рост реальных [доходов] за вычетом этих инфляционных расходов всё-таки 4,1 процента. По году будет – специалисты ожидают, эксперты наши, – 3,5 процента рост реальных доходов. Конечно, далеко не у всех категорий граждан. Конечно, это средние показатели, я хочу ещё раз это подчеркнуть, когда граждане будут смотреть, слушать, скажут: ну вот, опять там средние. Но мы вынуждены средними цифрами оперировать, для того чтобы у нас были определённые ориентиры. Мы поговорим о доходах населения, наверное, ещё более подробно.

Уровень безработицы, конечно, – мы ставили перед собой цель вернуться к допандемийному уровню, – так он стал ниже. Допандемийный уровень у нас был 4,6–4,7 процента, сейчас 4,3. До конца года, может, чуть-чуть подрастёт, будет 4,4. Это очень хороший показатель работы экономики в целом, хотя здесь возникают и определённые сложности и трудности, связанные с рынком труда, – с количеством людей, работающих на той же стройке, кстати говоря. Это серьёзный вопрос.

Теперь сальдо торгового баланса. У нас и в прошлом-то году, несмотря на все сложности, было 94 миллиарда [долларов], но сейчас практически удвоилось – по концу года 184. Это тоже очень хороший показатель.

Государственный внешний долг чуть-чуть сократился, это минимальные значения в мире, где-то примерно четыре процента.

Какие ещё важные показатели, которые говорят о качестве управления и о результатах работы всего государства, Правительства и Центрального банка в частности. Международные резервы подросли у нас: были 595 миллиардов [долларов], стали 625,5. Растёт и Фонд национального благосостояния – 185,2 миллиарда долларов. Это всё говорит об устойчивости и о хорошей макроэкономике.

Есть вещи, которые не могут нас не беспокоить, – это продолжительность жизни. Она у нас чуть-чуть сократилась: было 71,5 в прошлом году, стало 70,1. Мы наверняка тоже сегодня будем об этом говорить. И это как раз один из результатов, одно из негативных последствий пандемии коронавирусной инфекции.

Примерно так. Так что в целом я считаю, что и работа Правительства, и работа Центрального банка заслуживает – будем вести себя скромно – удовлетворительной оценки. Результаты положительные.

Да, теперь драйверы роста. Вы сказали: какие драйверы роста? И по поводу вакцинации – полная, неполная нужна?

Смотрите, мы уже много раз говорили об этих драйверах роста для нашей страны исходя из конкретной ситуации, сложившейся за достаточно длительный период времени, даже можно брать с послевоенного периода, с 1945 года. Какие у нас вызовы и какие, соответственно, драйверы?

Я сейчас говорил о снижении, к сожалению, продолжительности жизни, увеличение смертности у нас наблюдается, и в этой связи обостряется одна из важнейших проблем, одна из самых главных задач, которые стоят перед нами, – в сфере демографии. Она и с гуманитарной точки зрения, и с геополитической точки зрения, имея в виду народонаселение страны, – 146 миллионов для такой огромной территории совершенно недостаточно, и с экономической точки зрения: у нас же рабочих рук не хватает.

У нас сейчас 81 с небольшим, по-моему, миллион человек в работоспособном возрасте. Мы должны серьёзно увеличить это к 2024-му, к 2030 году. Это один из факторов экономического роста. Я уже не говорю – ещё раз хочу это подчеркнуть – про геополитическую составляющую этого важнейшего вопроса, про гуманитарную.

Так что сбережение народа, о котором говорил Солженицын, становится и является одной из важнейших задач и одним из драйверов роста.

Второе. Какие драйверы роста? Это инфраструктура, развитие инфраструктуры.

В этой связи могу сказать, что мы предпринимаем очень серьёзные усилия в этом направлении. Вы знаете, что 500 миллиардов [рублей] у нас идёт из бюджета фактически на развитие инфраструктуры прямо напрямую. Затем в рамках нацпроектов у нас было 260, по-моему, миллиардов, потом 400 с лишним, и на следующий год, по-моему, уже 460 дополнительно. Из Фонда национального благосостояния в ближайшие годы 2,5 триллиона рублей мы планируем направить на эти цели – 2,5 триллиона в целом.

И, конечно, третий драйвер роста – это повышение производительности труда, но здесь целый набор: начиная от образования, цифровизации и заканчивая тем же самым здравоохранением – целый набор программ. Они у нас практически все свёрстаны, мы знаем, что надо делать. Ресурсы для того, чтобы работать по этому направлению, предусмотрены и выделяются ритмично, они у нас есть. Важно только грамотно организовать эту работу и добиться максимальной отдачи от каждого вложенного в решение этих задач рубля.

И наконец, ещё один Ваш вопрос касается полной вакцинации. У нас, к сожалению, так же, как во многих других странах, – возьмите некоторые европейские страны, они тоже переживают по поводу того, что низкий уровень вакцинации, – скажем, в Федеративной Республике Германия, в стране с очень хорошо развитой системой здравоохранения, хотя и там тоже много критики в адрес системы здравоохранения, но всё-таки одна из наиболее эффективных систем в Европе, – низкий уровень.

У нас он какой? 59,4 процента на сегодняшний день или на вчерашний вечер. Я вчера только, зная наверняка, что это будет чуть ли не основной темой нашей сегодняшней встречи, говорил

с Анной Юрьевной Поповой и с Голиковой Татьяной Алексеевной. 59,4 процента – это коллективный иммунитет сегодня в России. Имеются в виду и переболевшие наши граждане, и привившиеся. У нас около 70 миллионов сделали первую прививку, 70 с небольшим сделали два укола.

Но этого недостаточно: нам нужен коллективный иммунитет где-то под 80 процентов. Надеюсь, в следующем году, хотя бы в конце первого квартала – во втором квартале, мы достигнем этого уровня. В некоторых странах сейчас уже говорят о необходимости достижения коллективного иммунитета в 90–95 процентов.

Примерно так.

Спасибо.

Д.Песков: Спасибо.

Продолжаем. Давайте по нашим крупнейшим информационным агентствам пройдемся.

Давайте ТАСС. Пожалуйста.

В.Ичёткина: Добрый день!

Агентство ТАСС, Вероника Ичёткина.

В некоторой степени хотела бы продолжить тему про социальные расходы государства, бюджета.

В последнее время государство нарастило социальные расходы и, судя по всему, судя по недавно принятому бюджету на будущую трёхлетку, продолжит это делать. При этом любопытно, что некоторое время назад была дискуссия о том, что социальные расходы в следующем году якобы будут урезаны.

Как бы Вы прокомментировали такие претензии? В целом как бы Вы охарактеризовали новый бюджет: как бюджет развития или социально ориентированный бюджет?

Позвольте? Я быстро закончу. Возможно ли дальнейшее наращивание социальных расходов в условиях пандемии? Если это произойдёт, Вы оценивали ли риски потери контроля над инфляцией, которая у нас и так уже скачет?

Спасибо.

В.Путин: Во-первых, какого качества бюджет? Конечно, это социально ориентированный бюджет. Конечно.

Посмотрите – тоже вчера с коллегами из Правительства всё это обсуждали многократно: если посмотреть расходы на то же здравоохранение и социалку, по здравоохранению, если взять расходы и федерального бюджета, и системы ОМС, и региональных бюджетов (примерно 1,5–1,7 триллиона они тратят на здравоохранение), – рост очевидный.

Больше того, планировали, по-моему, где-то 3,6 триллиона на здравоохранение из двух источников – из федерального бюджета и из системы ОМС, а в этом году выйдем на цифру около четырёх триллионов – 3,9–4. В следующем году запланировали четыре, но явно тоже будет больше.

Это абсолютно объективные цифры. Я говорю это ещё без региональных расходов, которые колеблются от региона к региону, от года к году, но сейчас где-то 1,6–1,7 триллиона, то есть это очень серьёзные расходы.

Если мы говорим о социалке, то, конечно, это рост расходов в этой сфере. Смотрите, даже в условиях пандемии, когда мы выстраивали работу по поддержке наиболее пострадавших отраслей экономики, – а это всё-таки огромные для нас цифры: 4,5 процента ВВП в прошлом году и в этом году ещё почти один процент ВВП, это, значит, почти 5,5 процента ВВП, – мы же ведь не просто деньги выдавали абь как и абь кому. При поддержке пострадавших отраслей экономики мы всё нацеливали на сохранение рабочих мест, мы всё нацеливали на поддержку людей с низкими доходами, с небольшими доходами, особенно уязвимых в этой ситуации.

А это какие? Это прежде всего молодые семьи с детьми. Мне можно перечислять, наверное, а можно не перечислять, но некоторые я назову, которые, в принципе, очень хорошо известны. Расширили количество семей, которые получают поддержку со стороны государства, – просто по количеству семей, у кого есть дети от нуля до трёх лет.

Начали выплачивать семейный капитал уже на первого ребёнка. Затем начали выплачивать пособия беременным женщинам, которые находятся в сложной ситуации. Начали дополнительно платить [на детей] от трёх до семи [лет]. Делали единовременные выплаты и по пять, и по десять тысяч рублей разным категориям, прежде всего, конечно, людям, которые находятся в непростой финансовой ситуации.

Это целый набор инструментов, мер – 4,5 триллиона рублей в прошлом году, и в этом году продолжили ряд мероприятий подобного рода. И всё было нацелено на то, чтобы, повторяю ещё раз, или напрямую людей поддержать, или поддержать их через бизнес, потому что бизнесу давали деньги в том случае, если он сохранял рабочие места и определённый уровень заработной платы.

Кроме всего прочего, мы повысили МРОТ и ПМ, как вы знаете, совсем недавно. Это на первый взгляд увеличение, может быть, не большое, но смысл этих действий заключается в том, что повышаются и социальные выплаты сразу, которые касаются миллионов людей, потому что их уровень считается от МРОТ или ПМ, и, кстати говоря, [это] отражается даже на индексации некоторых пенсий.

Поэтому, без всяких сомнений, этот бюджет можно назвать бюджетом социальной направленности.

Я только что, отвечая на вопрос Вашего коллеги по поводу драйверов роста, сказал и об абсолютно беспрецедентных, грандиозных планах развития инфраструктуры. Смотрите, какие там колоссальные ресурсы: только из ФНБ мы планируем 2,5 триллиона, 500 [миллиардов] уже выделено, 460 в следующем году планируем выделить дополнительно. Производительность труда, цифровизация практически сверху донизу по всем отраслям – огромные деньги и сюда будем вкладывать.

Поэтому это, конечно, социальной направленности бюджет, но он нацелен и на развитие. Я думаю, что это вещи абсолютно очевидные, если посмотреть на цифры.

В.Ичёткина: Хотела бы уточнить ещё, позволите?

В.Путин: Да, пожалуйста, спрашивайте. Конечно.

В.Ичёткина: Я спрашивала ещё о том, как повлияет рост социальных расходов на инфляцию.

В.Путин: Да-да. Простите, да.

Вы правы абсолютно, это один из ключевых вопросов в сфере сохранения макроэкономической стабильности, потому что во многих ведущих экономиках мира пошли на смягчение макроэкономической политики и существенным образом увеличили интенсивность работы печатных станков. Это очевидная вещь, и это привело к достаточно большой инфляции в ведущих экономиках – это тоже очевидно. Все это видят: это цифры, которые у всех перед глазами.

Дефициты бюджетов растут во всех ведущих странах, во всех. В Штатах – чуть побольше, в еврозоне – чуть поменьше, но тоже очень существенно и для них несвойственно.

Скажем, если взять ведущую экономику мира – Соединённые Штаты, у них уже инфляция, по моему, 6,1–6,2 процента при целевом показателе в два, то есть у них в три раза [инфляция] превысила целевой показатель.

У нас она тоже большая – восемь процентов, у нас целевой [показатель] был четыре, то есть в два раза увеличена по сравнению с целевым показателем, а у них – в три. Это серьёзное дело. Я думаю, что ФРС [Федеральной резервной системе США] придётся что-то делать.

Эта мягкая денежно-кредитная политика, она отражается на макроэкономике и в конечном итоге сводит на нет те благие цели, ради которых это делается, в том числе для поддержки экономики и граждан страны. У нас это тоже есть, потому что восемь процентов много, и нам нужно, конечно же, вернуться к целевым показателям – к четырём процентам.

Конечно, можно здесь поругивать Центральный банк. Я знаю – я же каждый день в контакте с коллегами, скажем, из реального сектора экономики, – знаю, как они ругаются на Центральный банк, и знаю их аргументы. Почти каждый день, поверьте, просто по телевизору не показываем: на три метра люди садятся от меня, мы беседуем. Показывают

только незначительную долю моих контактов и встреч, когда мы под камеры с людьми работаем, а так практически каждый день я встречаюсь, и совещания проводим. Просто сядут от меня подальше люди, на три метра, вот и всё. Но каждый день мы об этом говорим.

Я знаю неудовлетворённость реального сектора от повышения ставок. Но если этого не делать, то у нас может быть как в Турции. В этом же проблема. Это серьёзный вопрос, серьёзный вызов. Конечно, надо аккуратнее здесь этим инструментом пользоваться, но Центральный банк проводит независимую политику. Вам может показаться это странным: я не вмешиваюсь в работу Центрального банка, но оцениваю её положительно и полагаю, что, в принципе, мы находим золотую середину.

Почему? От повышения ставок существуют какие угрозы? Ограничение роста. Нам нужно обеспечить рост выше мировых [показателей] – 3,4–3,5 процента в ближайшее время, даже не так, как сейчас, – 4,6. 4,4–4,5 было бы нам неплохо, было бы хорошо. Но повышение ставок уменьшает эти возможности.

Сегодня мы этого пока не видим, потому что объёмы кредитования не падают, а возможности банковской системы растут. У одного Сбербанка у нас только триллион прибыли в этом году. Поэтому в целом пока такая золотая середина всё-таки найдена.

Д.Песков: Продолжаем.

Давайте третье наше крупное агентство – РИА. Дайте микрофон, пожалуйста, это центральный сектор.

Е.Глушакова: РИА «Новости», Елена Глушакова.

Владимир Владимирович, Вы говорили сейчас про социальную поддержку, но не менее важна и бизнес-составляющая.

На Ваш взгляд, где баланс между ограничительными, антиковидными мерами и необходимостью сохранить экономику? Потому что от ограничений зачастую страдает не только крупный, но и малый бизнес: ритейлеры, ресторанчики, кафе, магазинчики, киноиндустрия, индустрия развлечений.

И, если можно, в этой связи второй вопрос: как Вы оцениваете работу региональных руководителей? Они на фоне пандемии получили очень большие полномочия и по-разному ими распорядились, вводили разного рода ограничения. Как Вы думаете, насколько они удачно это делали, и какую бы Вы оценку им поставили?

Спасибо.

В.Путин: Первое, что касается бизнеса и его поддержки.

Вы сказали: страдает не только крупный бизнес, но и малый. Малый в основном и страдает, хотя есть определённые негативы и в работе крупных предприятий. Мы тоже выработали поддержку и этим отраслям, всем ведущим отраслям, если вы помните, крупным предприятиям. Специально я об этом Правительство попросил в прошлом году, ещё в начале года, и Правительство сделало это.

Ряд мер пошли явно на пользу нашим крупным отраслям и крупным предприятиям, холдингам. Они ведь без сбоя отработали, фактически без сбоя, даже нарастили – в ряде случаев нарастили объёмы выпуска продукции. Что касается, скажем, оборонной промышленности, – увеличили. По малым, средним предприятиям: общепит, тренажёрные залы, кинотеатры, даже и театры, музеи и так далее, – всё, что связано с обслуживанием населения, конечно, они страдали в первую очередь, но им и оказывалась помощь в первую очередь. Целый набор [мер] – я не знаю, нужно ли мне сейчас это всё перечислять. Это и льготное кредитование, прямая поддержка, связанная с сохранением рабочих мест и уровнем заработных плат, это льготы по кредитам, это рассрочка выплаты кредитов, это льготная аренда и так далее. И ряд мер, кстати говоря, продлён сейчас, вы знаете об этом.

На это выделялись и выделяются огромные ресурсы из федерального бюджета. Правительство идёт на это сознательно, понимая, что происходит. Но, наверное, можно было бы делать что-то потоньше или побыстрее, но хочу отдать должное нашим коллегам: всё-таки всё это происходит в прямом контакте с бизнес-сообществом.

Я, как вы знаете, недавно был и на мероприятиях РСПП, и встречался с руководителями других объединений предпринимателей, в том числе с теми, кто работает в малом бизнесе и в среднем. В целом люди с пониманием относятся и в общем положительно оценивают работу и усилия Правительства по поддержке бизнеса.

Кстати говоря, и результат-то неплохой. Я же сказал, что мы вышли из кризисного состояния быстрее, чем очень многие другие экономики мира. И упали меньше, и вышли быстрее. Это же результат.

Теперь что касается... Вторая часть вопроса какая?

Е.Глушакова: Про региональных руководителей.

В.Путин: Оценка руководства регионов.

Вы знаете, я уже много раз говорил – хочу ещё раз повторить, думаю, что Вы со мной согласны: по нашему пути пошли очень многие страны. На самом деле, мы же первые об этом сказали, что страна большая, ситуация в разных регионах разная, по-разному складывается, и поэтому при общем руководстве со стороны федерального центра – и для этого была создана правительственная комиссия – нам нужно всё-таки отдать на уровне регионов возможность тонко регулировать ситуацию в самом регионе. Разве можно сравнить, я не знаю, Чукотку и Москву? Разные совершенно вещи, и разная эпидемиологическая ситуация складывалась из-за огромности территорий наших в регионах.

Повторяю, так же, как и в любом большом деле, наверное, что-то и где-то можно было делать поточнее, познергичнее, но в целом руководители регионов проявили себя в высшей степени ответственно, не боялись брать на себя сложных решений.

Со своей стороны Правительство, федеральный центр всегда оказывал поддержку тем регионам, которые проводили нужные решения и нуждались в поддержке, скажем, со стороны федерального бюджета. Помощь регионамкратно увеличилась.

Вот это взаимодействие между федеральным центром и регионами и дало необходимый, нужный нам результат.

Д.Песков: Так, поехали дальше.

Давайте кто-нибудь из регионов. Вот сидит в жёлтенькой кофточке девушка. «Город для жизни» написано.

Пожалуйста.

Л.Данилкина: Здравствуйте!

Великий Новгород, Людмила Данилкина.

Наш город, в котором Вы, Владимир Владимирович, не раз были, хоть и не большой, но очень красивый и с древней историей. Я неслучайно говорю про город, потому что мой вопрос отчасти личный, отчасти деловой про городскую среду.

Какой бы город лично Вы, за исключением Петербурга и Москвы, выбрали бы для жизни? Это первая, личная часть моего вопроса.

А вторая – про Новгородчину. У нас регион удачно расположен между двумя столицами, что, естественно, в плюс нашей территории. Но мы бы развивались намного активнее и быстрее, если бы недалеко от Новгорода прошла высокоскоростная железнодорожная магистраль, про которую очень много сейчас говорят и на федеральном, и на региональном уровне.

Хотелось бы узнать перспективы развития, вернее, реализации этого проекта на нашей территории.

Спасибо.

В.Путин: Что касается места жительства моего, то Вы сказали «помимо Москвы и Петербурга». Почему Вы исключили Москву и Петербург? Это тоже города Российской Федерации, в одном из них я родился, это мой родной город, поэтому прежде всего, конечно, когда Вы задавали этот вопрос, я подумал о Петербурге.

У нас города и малые, и большие развиваются, и развиваются достаточно энергично, хотя прежде всего мы сейчас должны уделить внимание развитию малых городов. Мы всегда об этом говорим в последнее время и предпринимаем усилия, связанные с развитием инфраструктуры

прежде всего, связанности территории и по железным дорогам, и по автомобильным, и по авиационному транспорту, морскому и речному. Я уже об этом говорил, это один из драйверов роста, в который мы предполагаем вложить колоссальные ресурсы.

От связанности многое зависит, потому что можно и нужно жить в условиях благоприятной среды – сейчас я говорю уже не про себя, – но иметь возможность добраться до места работы либо поменять его. И увеличить мобильность населения – одна из наших задач.

Поэтому можно, и я бы, конечно, повторяю ещё раз, подумал о Петербурге прежде всего как о моём родном городе.

У нас на юге очень хорошо развивается Краснодар, посмотрите, как развивается, прибрежная зона как развивается, Крым.

Мы сейчас, опять возвращаясь к инфраструктуре, говорим о развитии «Восточного полигона», но не только. Скажем, Москва – Казань, дальше до Тюмени мы в принципе предполагаем дотянуться, потом закольцевать эту дорогу.

Всё это даёт возможность людям чувствовать себя в такой благоприятной среде, доступности от места работы до места жительства, встречи с друзьями, до мест, где развиты другие составляющие нашей жизни, центров культуры, где находятся музеи мирового значения и так далее.

Поэтому, мне кажется, у нас много мест очень красивых, достойных, где человек должен и может чувствовать себя комфортно.

Что касается ВСМ, это отдельная тема, которая находится ещё в проработке. Во-первых, если будет проходить высокоскоростная магистраль, конечно, я думаю, что на Великом Новгороде это должно отразиться, потому что хоть она высокоскоростная, но где-то этот поезд должен останавливаться. Великий Новгород – это одно из мест, где поезд может остановиться. Но авиация на этом плече, Москва – Петербург, перестанет существовать, это очевидно, потому что из центра Москвы в центр Петербурга будет три часа, а сейчас в Москве только до аэропорта доехать иногда занимает полтора. Поэтому авиация на этом плече становится бессмысленной.

Надо всё взвесить, подумать, посмотреть, как развиваются высокоскоростные магистрали в других странах. Скажем, в Китайской Народной Республике очень много подобных систем связи железнодорожных. До недавнего времени они все были убыточными даже для Китая, имея в виду, что это страна с полуторамиллиардным населением. Это экономика, её надо считать.

Для нашей страны это важно и востребовано, конечно, на определённых расстояниях. Где-то более эффективно начинает работать авиация. Это всё пока изучается на экспертном уровне.

Спасибо.

Д.Песков: Александр Гамов, пожалуйста, «Комсомольская правда».

А.Гамов: Спасибо.

Владимир Владимирович, спасибо огромное, что Вы к нам сегодня пришли, потому что Дмитрий Песков сказал, что это Ваша инициатива.

Если Вы не возражаете, я хотел бы вернуться к той теме, которую Вы затронули вместе с Вячеславом Константиновичем Тереховым в начале.

На Ваш взгляд, – Вы с нашими академиками, специалистами встречаетесь – чем всё-таки объясняются новые волны коронавируса? Потому что каждая следующая зачастую сильнее, чем предыдущая.

Насколько подтверждена всё-таки эффективность вакцинации и как учёные-медики объясняют повторные случаи заражения людей, в том числе вакцинированных и ревакцинированных?

Почему так высок уровень смертности? Эта цифра сегодня пока не прозвучала, а в сутки из-за коронавируса гибнут, умирают порядка тысячи человек.

Я буквально на днях ещё ужасное открытие сделал – я посмотрел, сколько же в мире гибнет за сутки: в мире 6700 человек погибло. Я прикинул, значит, в России каждый шестой-седьмой. Можем ли мы дальше с этим мириться?

Владимир Владимирович, я к чему это говорю? В той же демократической Австрии штрафы для тех, кто не вакцинируется. Может быть, ввести какие-то уголовные наказания для тех, кто призывает не ходить к докторам?

Просто я знаете, Владимир Владимирович, о чём подумал? Я вспоминаю Ваши заявления о том, что России очень тяжело, нас окружают и всё такое. Мы не можем сейчас, по-моему, позволить, мы и в другие времена не можем этого позволить, чтобы тысячи человек гибли каждый день.

Спасибо огромное.

Может быть, нужна какая-то политическая воля руководства страны. Мы Вас поддержим, Владимир Владимирович. Вы поняли, о чём я говорю.

Спасибо.

В.Путин: Да, я понимаю.

По поводу того, что нас окружают. Разве я так говорил, что нас окружают? Базы кругом – это правда. На востоке, на юге, на севере новые системы вооружения тоже ставят, на море, на западе тем более. Мы с вами, наверное, поговорим ещё в разделе «Международные отношения». Но окружить такую территорию, как наша, – это сложная задача, хотя современные средства, наверное, позволяют думать об этом. Бог с ним, это отдельная тема.

Что касается новых волн коронавирусной инфекции, новых штаммов: чем это вызвано? Вызвано способностью к мутациям этого вируса, вот и всё. Это очень простой ответ. Новые и новые штаммы появляются там, где всё-таки есть проблемы с системами здравоохранения и уровень иммунитета низкий. Скажем, в африканских странах очень много ещё поражений иммунодефицитом, вирусом иммунодефицита, и там возникают новые и новые штаммы. Ничего здесь удивительного нет.

Почему я и говорю о необходимости взаимного признания вакцин и распространения этих вакцин по всему миру как можно быстрее и как можно в большем количестве. Иначе нам не справиться глобально с этой проблемой, человечество будет всё время жить с этим и нести огромные потери. У нас даже появился такой термин – избыточная смертность.

Вы знаете, это просто ужасно, но здесь, что касается смертности от ковида, это сложно посчитать. Не потому, что кто-то чего-то пытается скрыть, совсем нет. Напротив, я нацеливаю нашу систему здравоохранения и Правительство на то, чтобы всё было максимально открыто, понятно и ясно, ещё и потому, говорю вам совершенно откровенно, чтобы люди поняли важность этой вакцинации. Ведь смертность высокая отчего? Уровень вакцинирования, коллективного иммунитета у нас низкий – 59,4 процента. Наши соседи говорят о необходимости достижения 90–95 процентов, а у нас 59,4, низкий, – вот вам и результат.

Нужно ли вводить какие-то меры преследования на этот счёт? Я думаю, что нет. Дело совершенно не в какой-то политической воле. Дело в том, что всегда сила действия равна силе противодействия. Как только начнёшь давить, так – у нас же народ изобретательный – сразу появятся способы обойти это стремление надавить, и будут найдены эти способы.

Нам нужно идти по другому пути. Нужно с уважением относиться к людям, несмотря на их позицию, и терпеливо разъяснять необходимость принятия определённых мер.

Скажем, та же вакцинация. Вы спросили, как объясняют повторные заражения и так далее. Да, повторные заражения возможны, они имеют место. Если человек переболел, второй раз заболевают знаете сколько? Они есть, о них говорят ваши коллеги, сидящие в зале, и наши представители СМИ, и иностранных СМИ, и за границей говорят, и у нас. О чём говорят: вот переболевшие люди снова заболевают. Заболевают. Сколько? Один процент! Один процент только заболевает из переболевших. А из вакцинированных сколько? Три-четыре всего. А на койках в палатах реанимации в больницах тех, кто вакцинировался, не знаю, во сколько

раз меньше находится по сравнению с теми, кто не вакцинировался. Это цифры, объективные цифры, нужно просто их доводить до людей, разъяснять.

Я уже говорил об этом: в советское время никто не спрашивал. Шлёп-шлёп-шлёп – всё, пошли. Те, кто руководил ещё в советское время большой страной и довёл её до распада, кстати говоря, сегодня в первых рядах тех, кто борется с вакцинацией, чтобы повысить свой рейтинг среди той части населения, которая выражает сомнения по поводу необходимости вакцинации. Но это нечестная позиция. Если люди грамотные, понимающие, ответственно относящиеся к своим избирателям и к людям, которых они призваны защищать, они должны занять принципиальную позицию, а не «крутить хвостом», не зарабатывать дешёвые очки на здоровье нации.

Если мы будем принципиально, последовательно, доходчиво и с уважением к людям разъяснять необходимость вакцинирования, я думаю, что мы добьёмся нужного результата. Другие способы контрпродуктивны.

По поводу того, надо ли усиливать ответственность и так далее. В Германии усиливают, а уровень вакцинации низкий. И что толку?

Бороться надо с правонарушениями, а не с законопослушными людьми. Скажем, сертификаты о вакцинации подделывают, уже 200 с лишним уголовных дел возбуждено. В основном по двум статьям возбуждают: по подделке документов и по должностным преступлениям. По-моему, 270 с лишним дел уже. Вот здесь надо бороться, да. А глобально – нужно разъяснять и убеждать.

Пожалуйста.

Би-би-си, пожалуйста, прошу Вас.

П.Козлов: Владимир Владимирович, здравствуйте!

Пётр Козлов, «Русская служба Би-би-си».

В.Путин: Здравствуйте!

П.Козлов: В последний год в России были признаны экстремистскими, разогнаны ФБК и штабы Алексея Навального. Сам он сидит в тюрьме, после того как был отравлен, провёл расследование и утверждал, что нашёл даже тех людей, которые его отравили.

В реестре СМИ – иностранных агентов уже более 100 изданий. Большинство из них были включены в этот реестр за последний год, а точнее, даже за полгода.

Скажите, пожалуйста, что произошло в России за последнее время, что в ней так стремительно и так существенно выросло число тех, кого власти считают экстремистами, нежелательными организациями и иностранными агентами?

Позвольте про историю. Вы часто говорите про историю, помните её. И, наверное, помните, что каждый раз, когда власть в России была сконцентрирована в одних руках при отсутствии реальной оппозиции, когда она находилась в фазе активного и острого противостояния с Западом, то в конечном итоге это порождало ответную реакцию, поражало страну в пучину войн и революций. Вам не кажется, что Вы, обладая всей полнотой власти, закладываете сейчас основу, возможно, для таких войн и революций?

Спасибо.

В.Путин: Прежде всего, если уж говорить об истории, то хочу напомнить то, о чём говорили наши оппоненты на протяжении веков: Россию нельзя победить, её можно только развалить изнутри, – что благополучно было сделано в период Первой мировой войны, точнее, по её результатам, и в 1990-е годы, когда разваливали Советский Союз. Изнутри! А кто это делал? Те, кто обслуживали другие, чужие интересы, не связанные с интересами русского и других народов Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации сегодня.

Вы сказали о человеке, которого якобы отравили. Мы направляли многократные запросы официально от Прокуратуры Российской Федерации: дайте хотя бы какие-то материалы, подтверждающие отравление. Нет ни одного материала. Чем это объяснить? Ни одного про этот «Новичок» или как его там.

Предложили, чтобы наши специалисты приехали туда, вместе поработали. Я лично предлагал Президенту Франции, канцлеру ФРГ: дайте нашим специалистам приехать, давайте возьмём

пробы, проверим, дайте нам основание хотя бы для возбуждения уголовного дела. Нет, ноль. Спрашиваем: как это объяснить? Молчание. Так что про это не нужно говорить, давайте перевернём эту страницу, если нечего ответить.

По поводу сидельцев. Сидельцы всегда были в каждой стране, есть и будут. Не надо совершать уголовные преступления и прикрываться при этом политической деятельностью.

Теперь дальше: по поводу реестра СМИ – иностранных агентов и СМИ, которые попадают в иностранные агенты. Согласен с Вами, что ничего хорошего нет. Но напоминаю ещё раз, этот закон придуман не нами, а придуман в государстве, которое – Вы как представитель Великобритании, в данном случае Вы так выступаете, а Великобритания является ближайшим союзником Соединённых Штатов, – все считают светочем демократии.

Но он, этот закон, принят ещё в 1930-е годы. Но не важно, что он принят в 1930-е годы, важно, что он действует сейчас. Сейчас действует. Там примерно 0,034 только организаций признаны иноагентами. Представляете, какое удивление? У нас тоже 0,034, такой же объём. А в чём разница? А в том, что там, если вы не закрыли свою деятельность, вам грозит уголовная ответственность до пяти лет лишения свободы. Даже в случае, если вы эту деятельность прекратили и организацию закрыли, это не освобождает вас от уголовной ответственности – «пятёрочка».

У нас ничего подобного нет. Мы не запрещаем работу этих организаций, мы хотим только, чтобы организации, которые занимаются внутриполитической деятельностью в России, ясно и чётко заявили об источниках финансирования своей деятельности. Вот и всё, они могут дальше продолжать работать. Наш закон гораздо более либеральный. Если Вы полагаете, что этого недостаточно, и так же, как Ваш коллега, говорите: нужно вводить уже ответственность, в том числе уголовную, за невакцинацию – давайте мы сделаем, как в США, введём уголовную ответственность за эту деятельность, если организация не прекращает свою работу. Но мы не требуем даже прекращения, просто вы скажите по-честному, источник вашего финансирования назовите.

Есть вопросы, связанные с пониманием политической деятельности. Здесь я согласен. Есть вопросы, связанные с тем, как регламентировать эту работу и так далее. У нас 74 организации признаны иноагентами из 200 тысяч зарегистрированных НКО – 0,034. Так же как в Штатах, только без такой жёсткой регуляторики, как там, вплоть до уголовной ответственности.

Теперь по поводу власти в одних руках. У нас разделение властей: есть исполнительная, законодательная, судебная. Ясно, что в каждой стране на каждом этапе её развития существуют определённые нюансы, связанные с полномочиями этих властей. Мы будем стремиться к тому, чтобы они работали отдельно, чтобы страна была сплочённой, эффективной, устремлённой вперёд. И в конечном итоге выбор организации общества и государства будет определяться российским народом, а не теми, кого Вы сегодня обслуживаете.

Пожалуйста.

Д.Песков: Продолжаем. Давайте по телеканалам, наверное, пройдемся.

В.Путин: Пожалуйста.

Д.Песков: Вот НТВ я вижу, Ирада Зейналова. Можете не представляться.

И.Зейналова: Добрый день, Владимир Владимирович! Добрый день, коллеги!

Если уж мы начали говорить про историю, то всё получается почти по Горчакову: «Россия сосредотачивается». И конечно, нам хотелось бы сосредотачиваться на наших внутренних проблемах самим и наши внутренние дела решать.

Тем не менее уже несколько недель подряд вся мировая пресса шумит и нагнетает: русские идут, Россия хочет напасть на Украину, русские хотят войны. Вам звонят серьёзные люди, Вы с ними разговариваете, объясняете, они не успокаиваются. В результате мы отправляем им наши предложения, наши «красные линии» и, грубо говоря, правила игры, которых до сих пор, согласитесь, не было. 30 лет это было какое-то такое достаточно вязкое болото с указаниями нам, как мы не соответствуем чему-то.

Мы отправляем эти «красные линии», и у нас есть понимание, что мы обозначили приоритеты нашей безопасности и наши интересы, но также у нас есть понимание, исходя из истории, что после любых переговоров всё может остаться на бумаге, как не раз уже бывало. После любых переговоров достаточно малейшей провокации, чтобы была большая война и всё снова осталось на бумаге, всё было забыто.

Так вот вопрос: Владимир Владимирович, мы к чему должны готовиться? Каков реалистичный прогноз, и если уж прозвучало с той стороны слово «война», то просчитывали ли мы вероятность этой войны даже пусть из-за какой-то провокации?

В.Путин: Вы вспомнили Горчакова, окончание фразы: «Россия сосредотачивается». Если Вы помните, первая часть была такой, это вопрос, его спросили: «Россия сердится?» – «Нет, Россия не сердится, Россия сосредотачивается».

Я постараюсь очень коротко, но всё-таки «от печки». Ведь обострение началось в 2014 году. До этих пор мы, несмотря на то что Советский Союз прекратил существование, часть исторических российских территорий с населением исторической России оказалась за пределами Российской Федерации, прежде всего на Украине, мы же с этим смирились, нормально к этому отнеслись, более того, способствовали становлению новых государств и работали, и готовы были работать, и работаем со всеми правительствами, какой бы внешнеполитической ориентации они не придерживались.

Достаточно вспомнить наши отношения с Президентом Ющенко и с Премьер-министром Тимошенко, которые так же, как и сегодняшнее руководство Украины, говорили о своей абсолютной прозападной ориентации. Мы же с ними работали. Да, спорили из-за газа, были конфликты, но в конце концов обо всём договорились и работали, и готовы были и дальше работать, и никакие действия в отношении Крыма нам в голову даже не приходили.

Но что произошло в 2014 году? Госпереворот кровавый, людей убивали и сжигали. Сейчас я не говорю, кто прав, кто виноват. Ясно, что было законное возмущение и неудовольствие граждан Украины по поводу того, что происходило в стране. Так действующий тогда Президент Янукович – он же со всем согласился. Три министра иностранных дел – Польши, ФРГ и Франции – дали гарантии мирного развития ситуации и мирного процесса. Я разговаривал тогда с Президентом США по его инициативе. Он меня попросил тоже поддержать этот процесс. Все согласились. Через день, через два – госпереворот. Зачем? Ответа нет. Ну зачем? Президент Янукович и так со всем согласился, он готов был уйти хоть завтра от власти. Выборы – победа оппозиции была неминуема, это все прекрасно понимали. Ну зачем это сделали?

После этого возник Крым. А как мы могли отказать Севастополю и Крыму, людям, которые там проживают, взять их под свою защиту и под крыло? Невозможно. Просто нас поставили в ситуацию, когда мы не могли поступить иначе. Или что, мы должны были совсем безвольно смотреть на то, что происходит на юго-востоке, в Донбассе, который изначально, даже при организации Советского Союза в 1922–1924 годах, не мыслил себя иначе как частью России? Но его туда Ленин с сотоварищами затолкнули силой. Сначала решили взять в Россию, а потом сказали: надо перерешить.